

— Что вы такое говорите, мистер Лу? — с серьезным видом настоящей законопослушной гражданки произнесла Пенелопа. — Механические бронекостюмы — это ведь незаконное вооружение.

Лу Бисин: «.....»

Двадцать минут спустя люди «Черной дыры» с изумлением обнаружили, что Четвертый брат, который уже покинул Бэту Пекина, вернулся!

Пенелопа потеряла глаза, думая, что у нее галлюцинации, а этот самый Четвертый брат с мрачным, словно вода, лицом бросил коротко, как обычно:

— Готовьтесь, я коекуда отлучусь.

Пенелопа растерялась, но, заглянув в его лицо, не осмелилась расспрашивать и торопливо последовала за ним:

— Куда вы? Вам нужен звездолет или мех... Четвертый брат, куда вы направляетесь?

— Мех.

Шаг «Четвертого брата» внезапно оборвался, после чего он с самым невозмутимым видом свернул под прямым углом и толкнул дверь в уборную.

Поскольку у Линь Сигэ обычно и так был вид человека, которому все должны миллион, Пенелопа, хоть и переполнилась сомнениями, спрашивать не стала и повернулась, чтобы идти готовиться.

В уборной Лу Бисин, замаскировавшийся под Линя с помощью таинственного чипа, уперся обеими руками в умывальник и шумно выдохнул. Затем он поднял голову, какое-то время смотрел в зеркало прямо на те темно-серые глаза, задрал подбородок, обвел лицо взглядом слева направо и улыбнулся самому себе.

Улыбка Линя была редкостью величайшей, и Лу Бисин, решив самостоятельно обеспечить себя всем необходимым, сменил несколько ракурсов и нагляделся всласть за один присест. Под конец ему показалось мало, и он послал зеркалу воздушный поцелуй двумя пальцами.

Сразу после этого он сам же и испугался своего поступка.

«Я что, болен?» — подумал Лу Бисин. — «Если он это увидит, то непременно меня приречет».

Он поспешил вовремя остановиться, не смея больше измываться над лицом Линя, и, как только с помощью технологий и актерского мастерства заполучил мех, сразу же тронулся в путь: в конце концов, на том мехе, который угнали трудные подростки, стоял учебный мониторинг академии, и отследить его не составляло особого труда.

Только вот...

Лу Бисин взглянул на пункт назначения на трекере, нахмурился и глухим голосом отдал приказ:

— Просканировать защитную систему и оружейные запасы этого меха.

В то же время гости, находившиеся на космической станции «Птичье гнездо», были доставлены в «ВИП-зону» межзвездных пиратов. В этой VIP-зоне не было никаких невообразимых экспериментов над людьми и хладнокровных исследователей; туда-сюда сновали роботы-официанты, небольшой бар служил общей зоной отдыха, а вокруг него располагался круг роскошных апартаментов — условия были превосходными.

Но ни у кого не было настроения наслаждаться изысканным вином и стейками: пространство вокруг барной стойки пустовало, и каждый в своей комнате пристально следил за ходом боевых действий в семи звездных системах Альянса.

У пиратов имелись особые источники информации, и в Восьмой звездной системе новости поступали гораздо быстрее, чем официальные.

На этот раз эпицентром масштабного вторжения внесистемных пиратов стала Первая звездная система. Прорвав оборону через Серебряную цитадель одним стремительным ударом, они, судя по слухам, уже заставили правительственных чиновников Альянса эвакуироваться из Вотто.

Линь Цзинхэн шагал взад-вперед по комнате, прижав большой палец к ладони, а остальные четыре ритмично барабанили по нему. На его лице не отражалось тревоги, но ноги успели нарезать уже несколько десятков кругов, словно жернова на мельнице.

Наконец, Чжаньлу, медитировавший неподалеку, открыл глаза:

— Господин, у меня появились точные сведения из Столичной системы.

Линь Цзинхэн резко поднял голову.

— Верховный секретарь был убит по дороге домой после окончания бала, вместе с супругой.

Дыхание Линь Цзинхэна невольно замерло.

К счастью, сразу после этого Чжаньлу добавил:

— Госпожа Гэден была спасена телохранителями и не пострадала. Спустя три часа в Первой звездной системе объявили тревогу, и важные персоны Столичной системы начали эвакуацию в цитадель Город Ангелов — она оказалась в числе первой отправленной партии.

Услышав это, Линь Цзинхэн на мгновение замолчал, а затем прислонился боком к стоявшему рядом серванту: одна нога упиралась в пол, другая небрежно закинута поверх нее, а носок ботинка лениво постукивал по полу:

— Какая редкость, семья Гэден так добра к ней? Что такое, Комитет управления Эдемом решил сменить профиль и превратиться в Ассоциацию защиты прав вдов?

Столичная система Вото была ареной политической борьбы представителей семи звездных систем, но над всей административной структурой Семи систем возвышались Законодательное собрание и Комитет управления Эдемом. Стороны сдерживали друг друга: то преобладал один курс, то другой. В последние годы, по мере разрастания системы Эдема, Комитет управления уже негласно поднялся над Законодательным собранием, превратившись в высший центр власти человеческой цивилизации.

Сам Верховный секретарь — блистательный снаружи и гнилой внутри — сумел занять столь высокий пост в парламенте лишь потому, что его дед был одним из семи постоянных директоров Комитета управления.

— Полученные мной на данный момент сведения таковы, — произнес Чжаньлу. — После инцидента с покушением от госпожи Линь потребовали открыть Эдем и предоставить авторизацию медицинской системы. С тех пор как вы ушли, она заблокировала Эдем, и это было первое открытие системы. Выяснилось, что она не ранена, но беременна, и старый директор Гэден лично увез ее.

Носок ботинка, которым Линь Цзинхэн постукивал по полу, замер. На секунду его щеки напряглись — в этом выражении читалось то ли недоумение, то ли гнев, но прежде чем эмоции успели проявиться в полной мере, они снова полностью исчезли. Он опустил глаза и равнодушным тоном протянул «ага», больше ничего не говоря.

В этот момент кто-то постучал в дверь.

Чжаньлу еще не успел полностью раздвинуть створки, как Одноглазый Коршун вихрем ворвался внутрь.

Чжаньлу вежливо поприветствовал его:

— Добрый вечер, мистер Лу.

— Вечер в радость чертям! — грубо ответил мистер Лу с разноцветными глазами. Затем он словно заметил что-то на исключительно бледном лице Чжаньлу: — Погодите, вы... вы что, Чжаньлу?

— Да, мистер Лу. — Искусственный интеллект мгновенно проанализировал его выражение лица и затем совершенно серьезно произнес: — Ваши микромимика и жесты показывают крайнее недовольство мной; вы полагаете, что я признал своим отцом злодея. Вы, возможно, заблуждаетесь: в настройках моей текущей личности нет параметров признания кого-либо отцом.

Одноглазый Коршун: «.....»

Одноглазый Коршун был без куртки, и во всей красе представало тело настоящего торговца оружием: на плечах — выдвижные защитные пластины, на поясе с обеих сторон висело по пистолету, в сапог был воткнут лазерный нож, а на запястьях застегивались два кольца излучателей частиц. Полностью вооруженный, он вполне соответствовал стандартам живой бомбы. Не желая возиться с Чжаньлу, он наотмашь захлопнул дверь:

— Линь, твою мать, почему ты до сих пор не сдох?!

Линь Цзинхэн:

— Благодаря вашему благополучию, старина.

— Хватит нести эту блядскую чушь, — в упор глядя на него, понизил голос Одноглазый Коршун. — Какого черта тебя занесло в Восьмую звездную систему?

— Спасаюсь отбегством, — развел руками Линь Цзинхэн. — Слишком уж много желающих лишить меня жизни.

— Ха, — Одноглазый Коршун обнажил острые зубы. — И на старуху бывает проруха?

Линь Цзинхэн не стал воспринимать его слова всерьез:

— Садись. Что такое? Я что, внушаю тебе такой страх?

Линь Цзинхэн все еще был жив — ну и ладно, с давних пор зараза живет вечно, Одноглазый Коршун мог бы и сам пережить приступ изумления и бдительности. Но вскоре он услышал, как кто-то назвал его «Четвертым братом», и только тогда осознал, что Линь Цзинхэн и есть тот таинственный «Четвертый брат» с беты Пекина.

Пять лет назад, услышав, что Линь Цзинхэн наконец-то откинулся, Одноглазый Коршун сквозь

пальцы смотрел на то, как Лу Бисин отправляется развлекаться самостоятельно. В конце концов, у него был всего один-единственный сынок, так что он все же предпринял кое-какие меры — не то чтобы круглосуточно следил за каждым шагом Лу Бисина, но всегда знал его координаты и состояние здоровья.

Одноглазый Коршун всегда знал, что его драгоценный сыночек находится именно на бете Пекина!

— Пятнадцать лет назад я уже говорил тебе, — быстро заговорил полупшепотом Одноглазый Коршун. — Она мертва, мертва! Когда я собственной блядской рукой вытащил ее из шлюзовой камеры, она уже испустила дух, и тот ребенок вместе с ней! Чип я тогда отдал тебе, какого черра ты до сих пор бродишь неприкаянным призраком?

Линь Цзинхэн бросил на него взгляд:

— У меня нет дурных намерений.

Одноглазый Коршун процедил сквозь зубы:

— Смотри, чтобы так оно и было!

— Лу Синь был моим учителем, — спокойно произнес Линь Цзинхэн. — Я хочу найти этого ребенка исключительно ради того, чтобы позаботиться о нем.

Одноглазый Коршун едко рассмеялся:

— Ты — позаботиться о нем? Тогда должен сказать: спасибо небесам, что он умер, так и не родившись.

Линь Цзинхэн ничего не ответил, развернулся и налил ему бокал алкоголя. Прозрачная жидкость в прозрачном бокале мягко скользнула по столу прямо к Одноглазому Коршуну, причем движение его руки было безупречно выверено, как у профессионального бармена, — ни единой капли не пролилось мимо.

— В твоих словах есть резон, — заметил Линь Цзинхэн. — Столичная система и впрямь не отличается особой безопасностью — вон ее только что разнесло в клочья.

Едва он договорил, как на экране в углу пробежала строка с гигантскими символами, словно создателями двигал страх, что кто-то не заметит: «Союзники прорвались в главный зал парламента Альянса!»

Затем последовал короткий видеосюжет: лесопарк Вотто клубился густыми столбами черного

дыма, здание парламента, еще сутки назад блиставшее в танцах и песнях, наполовину почернело, аллея памятников превратилась в сплошные руины, а изваяния символов цивилизации, некогда высеченные из камня, лишились права на упокое — по ним с грохотом проехали гусеницы наземных боевых машин, превращая их в мелкую пыль. Из остановившихся машин высыпали несколько неопрятно одетых межзвездных пиратов и, хохоча, принялись мочиться на обломки памятников.

— ...Твою мать, — выдал емкую и лаконичную рецензию Одноглазый Коршун. При всей своей ненависти к Линь Цзинхэну и омерзении к Альянсу, он вовсе не желал, чтобы этой сворой безумцев, не отличающих людей от скота, управлялись все восемь звездных систем. — Твоя Серебряная цитадель что, из бумаги сделана?

— В верхах Столичной системы случился предательский переворот, — бросил взгляд за окно Линь Цзинхэн. — У Семи звездных систем нет военной автономии, Первая система подверглась нападению внезапно, и у остальных просто не оставалось времени на реакцию. Межзвездные пираты отсиживались в тени целое столетие, и этот удар был нанесен наверняка — судя по всему, они готовились к нему долго. Чжаньлу, проводи сканирование ситуации на космической станции.

Одноглазый Коршун:

— Ты что задумал?

— Сначала осмотрюсь, — глухим голосом произнес Линь Цзинхэн. — В их руках явно припрятана не одна лишь карта под названием Проект «Призрак».

Чтобы не спугнуть добычу, Чжаньлу не стал прибегать к техническим средствам взлома. Одноглазый Коршун наблюдал, как тот с виртуозным мастерством сканирует пространство в обход окружающих систем наблюдения и в мгновение ока прокладывает безупречный маршрут, позволяющий полностью избежать камер. Руководствуясь исключительно стремлением узнать, какие именно коварные интриги затекает этот проклятый Линь, Одноглазый Коршун увязался следом.

— Разве ты не «умер»? Какое тебе дело до того, что Альянс с пиратами грызутся из-за власти, как собаки за кость? Тебе в Альянсе жалование платили?

Чжаньлу превратился в механическую руку, крепко зафиксированную на предплечье Линь Цзинхэна.

Линь Цзинхэн надел перчатки, бесшумно выскользнул из комнаты и полез по пристенной трубе, тянувшейся вдоль внешней стены VIP-зоны. Одноглазый Коршун бросил взгляд вниз и чуть не заработал боязнь высоты: труба крепилась вплотную к гладкой стене, круглая в сечении, на глаз не шире десяти сантиметров, да еще и сносной полировкой, а внизу зияла пропасть в несколько десятков этажей. Переkreщающиеся лучи систем наблюдения и прицелы орудий сновали туда-сюда, напоминая смертоносную паутину — стоило уронить вниз

хоть один волосок, как от него осталась бы лишь сеточка решета.

Поколебавшись секунду-две, Одноглазый Коршун поднял глаза и обнаружил, что Линь Цзинхэн уже находится в десяти метрах впереди.

Он поспешно полез наверх, задействовав и руки, и ноги: на ладонях и спине его одежды проступил слой биомиметических микроприсосок, намертво прилеплявших его к стене. Несмотря на это, Одноглазый Коршун продвигался едва ли не по миллиметру, замирая от ужаса и чувствуя, как хрупкая труба угрожающе подрагивает под его ногами, рискуя не выдержать веса двух взрослых мужчин.

— Ты что, блядь, ящерица? — процедил Одноглазый Коршун.

— Всякий предпочел бы держаться в стороне от неприятностей и не искать проблем на свою голову, ведь кому не сладка жизнь вольного отшельника? — Линь Цзинхэн знал о бесчисленных трюках этого торговца оружием и не собирался ждать его, даже не оборачиваясь. — Но раз уж ты живешь слаще остальных, разве не справедливо, что и уйти из жизни тебе придется быстрее, а твой конец будет куда плачевнее? Братец Лу, скажу тебе вещь, которую ты не любишь слышать: великие директора Комитета ломают головы над каждой мелочью, трясаясь от страха сделать неверный шаг и пасть в бездну. С чего ты взял, что имеешь право наслаждаться тишиной и покоем, когда тебе заблагорассудится? Кто ты такой?

Чжаньлу подкинул к месту цитату:

— Худшее всегда случается — закон Мерфи. И раз уж буря неизбежна, то вместо того, чтобы строить песчаные замки и уповать на слепую волю судьбы, лучше встать лицом к ветру на гребне волны.

— Заткнись уже, — пришел в ярость Одноглазый Коршун. — Ты же превратился в простую руку, откуда в тебе столько болтовни? За каким чертом ты вообще увязался за ним, он что, отформатировал тебя?

Труба подошла к концу. Линь Цзинхэн бросил быстрый боковой взгляд: всего в двух метрах за углом стены начинался открытый переход, и если преодолеть психологический барьер, то прыжок не представлял особой сложности. Вся загвоздка заключалась в трех автоматических лазерных турелях на углу, расставленных треугольником и перекрывавших пространство без единой мертвой зоны — стоило им зафиксировать существование объекта без соответствующих прав доступа, как они в мгновение ока шинковали нарушителя на куски.

— Чжаньлу абсолютно прав. По-моему, это ты слишком долго изображал царька в этих глухих захолустьях и позабыл, как высоко небо и как тверда земля, — невозмутимо произнес Линь Цзинхэн, параллельно расстегивая куртку. — Моя хата с краю — неужто именно этому ты учишь своего сына? Неудивительно, что в итоге ты взрастил воспитателя-пацифиста, наивного, цивилизованного и до умиления милого.

Обожженный за живое, будто у него сорвали защитную чешую, Одноглазый Коршун вспыхнул:

— Верно! Ты-то вовсе не наивен, ты у нас мастер приспосабливаться к обстоятельствам! Не успело тебе исполниться и десяти, как Лу Синь забрал тебя к себе, вырастил как родного сына; даже у его собственной жены не было доступа к Чжаньлу, зато тебе выдали отдельный персональный допуск. И как же ты отблагодарил его? Линь Цзинхэн, твоего учителя оклеветали, его репутация была уничтожена, семья разрушена, а они гнали по всему миру с оскаленными механическими чудовищами женщину, которая за всю жизнь держала в руках лишь чернильную ручку! А ты преспокойно грыз гранит науки в Уланской академии, шагал по широкой столбовой дороге и верой и правдой служил цепным псом Альянса! До чего же ты велик, адмирал Линь, в столь юные годы возглавил Серебряную цитадель и прижал старых соратников Лу Синя так, что те сидели тише воды ниже травы, боясь вздохнуть лишний раз. Если я назову тебя неблагодарной собакой с волчьим сердцем, разве я погрешу против истины?!

Линь Цзинхэн не издал ни звука. В следующую секунду он резко рванул с места, швырнув вперед только что снятую куртку. Чжаньлу, зафиксированный на его руке, одновременно испустил из ткани энергетический контур, и летящая одежда заизлучала инфракрасный спектр, в точности имитируя силуэт человеческого тела. Все три лазерных ствола мгновенно развернулись и ударили по куртке. В этот самый момент по переходу как раз проходил сотрудник станции — мужчина в белом халате, привлеченный внезапным движением турелей. Не успел он даже сообразить, в чем дело, как чьи-то руки в мертвой хватке сжали его горло, и раздался отчетливый хруст...

Линь Цзинхэн собственными руками создал слепую зону. Воспользовавшись мимолетной заминкой, он сиганул на переход. Приземление и захват жертвы произошли практически одновременно. Три лазерные пушки немедленно среагировали, переведя прицел на него, но Чжаньлу, принявший форму механической руки, мгновенно выбросил зонд, вонзил его в тело ученого, силой выдрал чип из его груди и пристыковал к собственной ладони. В долю секунды готовые открыть огонь лазеры распознали чип, обманутые поддельным кодом, растерянно зависли в воздухе на мгновение, а затем снова медленно опустились.

Линь Цзинхэн опустил безжизненное тело, стоя посреди перехода, и встретился взглядом с застывшим в нескольких метрах от него Одноглазым Коршуном.

— Волчье сердце, собачья пасть... Я слышал эти слова уже столько раз, неужели у брата Лу не нашлось ничего пооригинальнее? — с легкой иронией кивнул он, после чего в два счета стянул с мертвеца одежду и натянул ее на себя. — Можешь поразмыслить над новым словарным запасом, а я пойду. Располагайся.

С этими словами он оттащил труп в сторону, засунув в небольшой зазор у поворота перехода, подтянул защитную маску повыше и независимой походкой зашагал прочь.

Одноглазый Коршун: «.....»

Лу Бисин еще не знал, что его биологический родитель и названный папаша уже успели сцелиться дважды за короткий промежуток времени. Тем временем он настиг по траектории движения студентов космическую станцию «Птичье гнездо», но не стал рисковать и приближаться вслепую, а сначала сделал несколько кругов вокруг этого незаконного сооружения, не пересекая границу зоны безопасности.

По пути Лу Бисин не терял времени даром: он пересобрал и заново откалибровал ядро системы этого меха, так что теперь управление подчинялось ему с идеальной легкостью.

Будучи сыном торговца оружием, Лу Бисин в детстве разобрал столько боевых машин, сколько средний военный Альянс вряд ли видел за всю свою службу. Глубина его познаний в области мехов давно переросла уровень обычных инженеров-конструкторов.

Хотя Линь подарил ему тот мех всего раз показав студентам, сам Лу Бисин изучил его вдоль и поперек. Когда он совершал седьмой круг вокруг станции, заготовка замаскированного стыковочного фланца была полностью сформирована, в точности копируя протокол идентификации потерянного ранее чужого меха.

— Идеально, — бросил одобрительный взгляд на зеркало Лу Бисин. Отражение неотличимого от оригинала Линя тоже улыбалось ему в ответ. Стоило Лу Бисину увидеть его лицо, как у него тут же развязывался язык, и он заговорил со своим зеркальным двойником: — Ну надо же, вечно ты устраиваешь вокруг себя какой-то перформанс современного искусства. Я вот никак не возьму в толк: ты что, суперзвезда с армией фанатов во всех восьми системах, раз до смерти боишься быть узнанным? Убери эту буку с лица, улыбнись пошире, глаз радуется! Прямо-таки вклад в эстетику экологии Восьмой звездной системы, а не лицо... Ну ладно, теперь мы — Троянский конь. Проверим-ка на практике, получится ли проскользнуть под этой личиной. Если нас превратят в решето, будет досадно — впрочем, мне-то ладно, но вот за мех мне точно не расплатиться. Интересно, а продажа себя в рабство здесь котируется?

Замаскированный мех круг за кругом сокращал дистанцию со станцией. Лу Бисин закинул руки за голову и снизу вверх принялся разглядывать Линя Цзинхэна в зеркале. Приходилось признать: у каждого человека, судя по всему, действительно существует свой уникальный внутренний настрой. Лицо Линя в обычных обстоятельствах выглядело напрочь лишенным человеческого тепла, но сейчас, сидевшего на его собственной шее, его уголки глаз и брови источали неподдельный азарт и предвкушение, и даже холодный прежде взгляд наполнился живым блеском.

Лу Бисин призадумался:

— Когда ты вернешься и предстанешь перед Пенелопой, моя маскировка неизбежно рухнет. Эх, красавчик, давай-ка договоримся: раз уж ты наконец выбрался в столь дальнее путешествие, погуляй подольше на воле, дай мне хоть немного времени на побег от правосудия.

Мех глухо щелкнул, переходя на стыковочную орбиту. Корпус ощутимо завибрировал, после

чего с бешеной скоростью скользнул к верификационному шлюзу космической станции. Если бы фальшивый стыковочный фланец не прошел проверку, станция мгновенно классифицировала бы его как нарушителя и превратила в грудку обломков. Однако в том, что касалось экспериментов, Лу Бисин, казалось, был рожден безумным авантюристом, начисто лишенным чувства страха. Уставившись на зияющий провал шлюза, он сверкал глазами с таким видом, будто предвкушал великое озорство.

— Подготовка к стыковке завершена, десять, девять, восемь...

Выкрутив защитные системы на максимум, Лу Бисин пробормотал себе под нос:

— Мое предсмертное слово — «за мир во всем мире», поехали.

— ...Два, один, ноль!

Мех с ревом влетел в створки верификационного шлюза. В мгновение проскока алый свет сканера на дверях вспыхнул, предупреждая об опасности, но тут же споткнулся, пропуская мех дальше и принимая поддельный фланец за чистую монету. Система безопасности проглотила этого «троянского коня» со всеми потрохами. Лу Бисин тихонько присвистнул отражению в зеркале и показал средний палец только что одуроченному шлюзу.

Однако уже в следующую секунду картинка, транслируемая с наружных камер, заставила его улыбку слегка померкнуть. Лу Бисин выпрямился в кресле.

— Сканирование, — тихо бросил он. — Радиус десять километров.

Бортовой компьютер незамедлительно выдал отчет:

— В радиусе десяти километров зафиксировано триста единиц легких штурмовых мехов, укомплектованных вооружением, шестикратно превышающим стандартные армейские нормативы.

— Склад боеприпасов, что ли? — вздохнул Лу Бисин. — Студенты мои, ну вы и впрямь таланты.

Таланты тем временем двигались по длинному тоннелю-коридору, который привел их в тупик.

— Дальше дороги нет, — констатировала Мята.

У Уайта подкосились колени, и он распластался на полу в позе пятиглавого поклона, замерши рядом с петухом. Оглянувшись на пройденный ими путь, он шумно и тяжело задышал:

— Прочь... с дороги! Да я бы и Южные небесные врата смог взломить, только умоляю, не заставляйте меня возвращаться обратно, я... я... я больше шагу ступить не могу.

<http://bllate.org/book/19100/1876005>